

УДК 72.036(47+57)
ББК 85.113(2)6
О-34

Рецензенты:

И. Е. Печёнкин — канд. искусствоведения, доцент, зав. кафедрой истории русского искусства факультета истории искусства РГГУ.
А. Г. Токарев — канд. архитектуры, доцент, советник РААСН.

Елена Овсянникова, Николай Васильев

Архитектура Дома Наркомфина вчера и сегодня. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. – 260 с.: илл.

На обложке: вид квартиры консьержа. Фото А. Народицкого. 2021

ISBN 978-5-6049359-2-7

Все права защищены

© Музей современного искусства «Гараж», 2023

© Елена Овсянникова, Николай Васильев, текст, 2023

© Андрей Кондаков, макет, 2023

Содержание

Вступительное слово	13
От авторов	15
История идеи обобществления быта	18
Первые проекты жилых ячеек	30
Дом Госстраха	32
Проекты жилища нового типа на Первой выставке современной архитектуры	47
Жилые ячейки Стройкома	56
Дом Наркомфина. Архитектура, идея, типы квартир, конструкции, эксплуатация	94
Дом Наркомфина. Цветовое решение	112
Другие участники строительства Дома Наркомфина	126
Вторая очередь проекта Дома Наркомфина	131
Довоенная жизнь Дома Наркомфина	136
«Соцгород» Николая Милютина	146
Аналоги и «двоюродные братья» Дома Наркомфина	156
Наследие Дома Наркомфина в послевоенной архитектуре	198
Послевоенная жизнь и реставрация Дома Наркомфина ...	209

Вид последнего марша южной лестницы. Фото Н. Васильева. 2020

Вступительное слово

Дом Наркомфина — один из тех архитектурных памятников Москвы, о которых знают или слышали и профессионалы, и ценители архитектуры. В ходе многолетней реконструкции Дому Наркомфина был возвращен — насколько это возможно — первоначальный облик. И теперь в нем не только поселились новые жильцы, но и проводятся экскурсии, а также программы Музея современного искусства «Гараж» в Коммунальном блоке.

Эта небольшая книга — дань уважения Моисею Гинзбургу и его коллегам, которые в 1929 году начали осуществлять проект дома переходного типа (следующим этапом должны были стать дома-коммуны). Не все их утопические задумки были реализованы в полном объеме, но множество идей, которые они предложили для нового типа совместного сосуществования, повлияли на стратегии европейского архитектурного модернизма.

История Дома Наркомфина неразрывно связана с людьми, которые его создавали и которые в нем жили. В их судьбах отражаются все пертурбации и трагедии нашей страны за почти сто лет, которые прошли с момента его постройки. Сейчас мы проводим масштабное исследование, посвященное временным резидентам, и его результатами мы тоже обязательно поделимся.

Антон Белов,
директор Музея современного искусства «Гараж»

Вид с балкона 2-го этажа на коммунальный корпус.
Фотограф неизвестен. Начало 1930-х

Вид антресоли 2-го этажа коммунального корпуса.
Фотограф неизвестен. 1930-е. Музей архитектуры им. А.В. Щусева

От авторов

Жилой дом для сотрудников Народного комиссариата финансов РСФСР — одна из самых известных экспериментальных построек СССР рубежа 1920–1930-х годов. Фактически это целый архитектурный комплекс, задуманный как «переходный к дому-коммуне». Тем не менее его часто называют собственно домом-коммуной, хотя на самом деле здесь жили чиновники и видные деятели культуры с семьями, а общественное обслуживание, характерное для этой типологии, не было осуществлено в полной мере.

Дом Наркомфина прославился не столько своей социальной концепцией, сколько своим неординарным архитектурным решением — именно благодаря ему он стал известен во всем мире. В данной книге мы рассказываем о создании Дома Наркомфина в широком историческом контексте и о его сегодняшнем состоянии.

Моисей Гинзбург, редактируя вместе с Александром Весниным журнал «Современная архитектура», опубликовал многие проекты и постройки группировки Объединение современных архитекторов (ОСА), в частности, собственное знаковое произведение — Дом Наркомфина, а также работы ряда выдающихся советских и самых прогрессивных зарубежных зодчих. Журнал, издававшийся в 1926–1930 годах, получил признание в Европе, был дважды переиздан в недавнее время, и его полную версию можно теперь найти в интернете. Из него мы можем узнать профессиональный контекст, интерпретированный членами группировки ОСА, которые называли себя конструктивистами. Их концепция применения в СССР новейших строительных технологий и поиск нового облика зданий как прямого следствия функциональных решений стала широко известна и за рубежом. Поэтому в 1920-е всю советскую архитектуру стали называть конструктивизмом.

Начиная с эпохи перестройки в нашу страну ринулись фанатики изучения архитектуры русского

конструктивизма, хотя и ранее он привлекал внимание специалистов¹. Дом Наркомфина был в числе главных объектов их интереса, наравне с собственным домом Константина Мельникова и построенными им клубами, Клубом союза коммунальщиков Ильи Голосова, домом-коммуной Ивана Николаева, Дворцом культуры Пролетарского района братьев Леонида, Виктора и Александра Весниных².

Итак, Дом Наркомфина всегда был в зоне пристального внимания профессиональной общественности всего мира, скоро убедившейся в том, что многие мечты авторов проекта так и не реализовались на практике. Например, как отмечали авторы первой монографии о Доме Наркомфина (к слову, не отечественной³), жильцы, въехав в дом в 1931 году, в первоначальной эйфории начали было общаться друг с другом на крыше-террасе, но вскоре стало ясно, что собираться группами у всех на виду опасно. Начались сталинские репрессии, о которых сотрудники советских наркоматов знали не понаслышке.

Однако надо признать, что первоначальный замысел частичного обобществления быта, задуманный архитекторами Моисеем Гинзбургом и Игнатием Мили-

- 1 Как отмечает Жан-Луи Коэн (см.: Le Corbusier and the Mystique of the USSR: Theories and Projects for Moscow, 1928–1936. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 123), Ле Корбюзье вывез «синьки» (цианотипные копии) рабочих чертежей Дома Наркомфина во Францию в свой третий и последний визит в Москву — части листов, опубликованных в книге Коэна, нет в московских архивах.
- 2 Дом Наркомфина упоминали в своих работах многие историки советской архитектуры, социологи и краеведы из России — М.И. Астафьева-Другач, Ю.П. Бочаров, А.Ю. Бронуицкая, Н.Н. Бронуицкая, Ю.П. Волчок, А.В. Иконников, Е.Г. Никулина, А.В. Рябушин, Ю.Ю. Савицкий, С.О. Хан-Магомедов, И.В. Шишкина и др. — и исследователи из зарубежных стран — И. Груза, Э. Грушка (Чехословакия), А. Копп, Ж.-Л. Коэн (Франция), К. Нук (Англия) и др. Однако они не занимались специально его историей и не пользовались недавно выявленными авторами данной книги и другими исследователями архивными материалами, как и не имели доступа к самому объекту в ходе его последней реставрации.
- 3 Первая отечественная книга о Доме — *Иванова Е.К., Кацнельсон Р.А.* Улица Чайковского, 25. Москва: Московский рабочий, 1986. Однако самая ранняя монография появилась на итальянском языке: Pasini Ernesto. La "casa-comune" e il Narkomfin di Ginzburg (1928–29). Roma: Officina Edizioni, 1980.

нисом, не был реализован при заселении Дома Наркомфина в силу разных причин. Затягивание сроков проектирования, а потом и отказ от строительства одного из двух запроектированных коммунальных корпусов, и, как следствие, использование осуществленного корпуса не по назначению привели к тому, что столовая продавала только готовую пищу навынос. Детский сад вместо неосуществленного отдельного здания⁴ разместился там, где изначально предполагалась столовая. И главное — чиновники, проводившие весь день на работе, вовсе не стремились общаться и в свободное время. Их больше привлекал традиционный домашний быт⁵.

Популярность Дома Наркомфина в течение долгого времени никак не влияла на решение проблем его реставрации. Этот жилой комплекс находился в запущенном состоянии и был искажен и жильцами, и арендаторами. Многие деятели культуры зарубежных стран предлагали варианты его спасения, не надеясь на российские органы охраны наследия. Лишь в 2010 годы удалось сдвинуть этот вопрос с мертвой точки, но для этого необходимо было отселить жильцов и арендаторов, найти средства для реставрации на фоне сомнительных устремлений коммерческих застройщиков в центре Москвы, что затянуло процесс на долгие годы.

- 4 Известный чертеж генерального плана территории содержит указание на круглый корпус детского сада посреди двора, однако ни одного его чертежа ни в первой (1928–1931), ни во второй (1930–1932; арх. Моисей Гинзбург и Георгий Зунблат; не реализована) очередях строительства не выявлено.
- 5 Виктор Бюхли, посетивший дом Наркомфина в 1990 году, в книге «Археология социализма» (*Buchli V. An Archaeology of Socialism. Oxford: Berg Publishers, 2000. P. 129*) утверждает, что «половина жильцов содержала домработницу», что, конечно, не может соответствовать действительности. Персонал для обслуживания дома был в его штате и жил в общежитии на втором этаже служебного корпуса, а отдельных жилых помещений для прислуги (в отличие от, к примеру, самых больших квартир дома СНК И ЦИК или дома Ленсовета на Карповке) в Доме Наркомфина не было. Известно лишь со слов жильцов, что две или три комнаты общежития на крыше были заняты прислугой — например, кухаркой Николая Милютина.

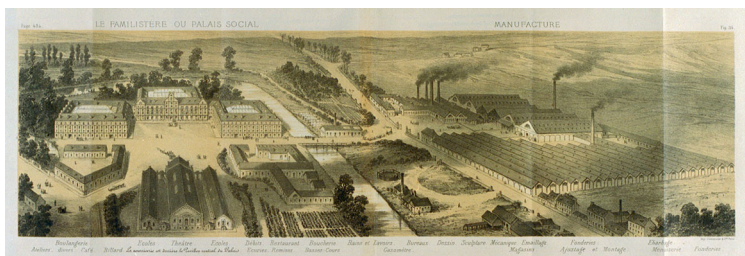
Просвещения — мало отличается от имевших место еще в XVII веке поселений колонистов-пуритан и других переселенцев в Новый Свет. Религиозные общины той или иной версии протестантизма (не только пуритане из Англии или гугеноты-кальвинисты из Франции, но и представители других сект, бежавшие от религиозной резни в Европе) обустроивались, создавая крепости-блокгаузы или возводя обыкновенный амбар, который использовался для коллективной молитвы, трапезы и в качестве склада общего имущества.

Параллельно в 1800 годы, во многом в противовес работным домам, английский философ-социалист Роберт Оуэн предложил схожую утопическую концепцию кооперативного индустриального поселения. Его хлопкопрядильная фабрика в Нью-Ланарке в Шотландии, где трудилось больше двух тысяч человек, славилась социальной поддержкой хозяином своих рабочих (с 1968 года получила статус памятника всемирного наследия ЮНЕСКО). Однако главная затея Оуэна, поселение «Новая Гармония» в штате Индиана в США⁶, так и не была реализована из-за бесконечных споров и неурядиц — порядка восьмисот семей так и не смогли договориться ни о совместном управлении, ни о пользовании землей, ни тем более о новом строительстве (Оуэн представлял коммуну в виде «замка» с фабричными трубами вместо башен и кирпичными жилыми корпусами, охватывающими прямоугольный двор). Сохранилось 25 зданий, деревянных жилых и кирпичных общественных, однако еще при жизни Оуэна основные постройки перестали быть коллективной собственностью и вместе с землей были приватизированы. В 1817–1824 годах было выстроено четыре общежития; сохранившиеся два представляют собой трехэтажные кирпичные здания (одно из них, изначально служившее колонистам

6 Первыми поселенцами стали несколько сотен последователей лютеранского проповедника Георга Раппа, переехавшие сюда в 1804 году; Оуэн приобрел колонию в 1825 году.

Вид на коммуну «Новая Гармония», нарисованный по описанию Роберта Оуэна. 1838. Гравюра Ф. Бейта

Фамилистер или Общественный дворец и фабрика в Гизе. 1870. Литография по рисунку Ж. Гэльдро

местом собраний, позднее, еще в XIX веке, было переоборудовано под театр)⁷.

Первые социалисты-утописты не осуществили ничего из намеченного ими в форме заметных архитектурных явлений, но их идеи отчасти реализовались в годы правления Наполеона III, когда весь исторический Париж был реконструирован под руководством префекта округа Сены, опасавшегося революционно настроенных рабочих барона Османа. До последнего времени о коллективных жилищах для рабочих того времени не упоминалось как о прототипе советских

7 Раскопки, проводившиеся Университетом штата Индиана, не внесли ясность в то, какой была внутренняя структура общежитий; с 1840 года в зданиях шли постоянные перестройки и приспособления.

Фамилистер в Гизе. Здания школы и театра. Фото Patrick (flickr). 2014

Фамилистер в Гизе. Центральный корпус и памятник Годену.
Фото Patrick (flickr). 2014

Вид внутреннего двора центрального корпуса Фамилистера.
Фотограф неизвестен. 1896

проектов такого рода, хотя их организация была в числе политических установок французского правительства эпохи, наряду с прокладкой широких городских магистралей, подоплекой которых была не столько художественная мысль, сколько стратегия защиты от революционных баррикад. Разумеется, и в СССР без политической подоплеки такие проекты, как Дом Наркомфина, тоже не могли появиться.

Как пишет Владимир Филиппов, впервые показавший, что истоки социального жилища для рабочих восходят к Наполеону III: «Идея эксперимента принадлежала Луи-Наполеону, он его организовал и поддерживал как материально, так и морально. Внимание к обустройству жизни рабочих было вызвано, прежде всего, заботой императора о предотвращении пролетарской революции, и в целом он с этой задачей справился — во время его правления революций не происходило». Филиппов также отмечает, что «в конечном итоге в столице объявленная цель эксперимента достигнута не была [...] В провинции, где цена земли

Внутренний двор центрального корпуса Фамилистера.
Фото Vincent Desjardins (flickr). 2010

не подвергалась спекуляциям в такой степени, успешных примеров было больше»⁸.

Не случайно прогрессивный промышленник, последователь Шарля Фурье Жан-Батист Годен, выступив и в роли заказчика, и в роли архитектора, построил «Фамилистер» (*фр.* *familistère* — «потребительский рабочий кооператив»), или «Общественный дворец»⁹, для проживания рабочих своего предприятия, производившего изделия из чугуна на севере Франции в городе Гиз в 1859–1877 годах.

- 8 Филиппов В.Д. Наполеон III и его проекты социальной инфраструктуры для рабочего класса // AMIT Architecture and Modern Information Technologies. 2022. № 3 (60). С. 13–27. URL: https://marhi.ru/AMIT/2022/3kvart22/PDF/01_filippov.pdf
- 9 Здание было в известной степени материальным воплощением социальной структуры — ассоциации труда и капитала, предполагавшей получение части дохода предприятия самими рабочими. Годен также поучаствовал в финансировании коммуны «Ля Реюньон», основанной другим учеником Фурье, Виктором Консидераном, в Техасе в 1855 году. Коммуна Консидерана не имела успеха, в отличие от собственного социального проекта Годена. Сейчас «Фамилистер» функционирует как музей.

Лестница центрального корпуса Фамилистера.
Фото Vincent Desjardins (flickr). 2010